

Рецензии
Reviews

DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-57-293-302>

УДК 821.161.1.0 + 82.091

ББК 83.3(2Рос=Рус)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. Т. В. Коренькова
г. Москва, Россия

**ЦЕЛЬНОСТЬ (В) МНОЖЕСТВЕННОСТИ БЕЛОВЕДЕНИЯ
ЭВЫ МАЛИТИ-ФРАНЕВОЙ
(О КНИГЕ «ANDREJ BELYJ/CELISTVOST' (V) MNOHOSTI».
BRATISLAVA, 2018)**

Аннотация: Выход в свет монографии «Андрей Белый. Цельность (в) множественности», с одной стороны, логичное развитие беловедческих исследований Э. Малити-Франевой; с другой стороны, книга дает возможность заглянуть в тайну «алхимии переводческого слова», творческую лабораторию ученого, виртуозной переводчицы и драматурга. Э. Малити-Франева вводит в научный и культурный обиход Словакии не только новые тексты и факты, но и ранее неизвестные здесь оценки, мнения, суждения российских ученых, публицистов и философов, погружает читателя в «петербургский миф» русской литературы. Все это требует от нее нахождения редких слов, расширения значений привычных слов, а подчас и создания неологизмов. В целом, создание прочных «лексических мостов» между русской и словацкой культурами, освоение словацким языком новых пространств в русской культуре Серебряного века — особая грань творчества Э. Малити-Франевой и как переводчика, и как писателя и драматурга.

Ключевые слова: Андрей Белый, роман «Петербург», переводоведение, рецепция русской литературы за рубежом, символизм, модернизм в славянских литературах.

Информация об авторе: Татьяна Викторовна Коренькова — кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2, 117198 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4829-4947>. E-mail: tvkorenkova@mail.ru

Дата поступления статьи: 07.11.2019

Дата публикации: 28.09.2020

Для цитирования: Коренькова Т. В. Цельность (в) множественности беловедения Эвы Малити-Франевой (О книге «Andrej Belyj/Celistvost' (v) mnohosti». Bratislava, 2018) // Вестник славянских культур. 2020. Т. 57. С. 293–302. DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-57-293-302>

Среди заметных явлений русско-словацких культурных контактов последних десятилетий особо выделяется художественное, переводческое и научное творчество Эвы Малити-Франёвой. Как самобытный драматург, пишущий «о настоящем без ро-

зовых очков» [10, с. 187], она стала известна театральной России уже после первого перевода на русский язык ее пьесы «Коршак Бессмертный» (*Krcheň Nesmrteľný*, 2001), опубликованного в журнале «Современная драматургия» в 2004 г. [9]¹. Как самобытный прозаик — после публикаций в «Иностранной литературе» [8] и сборнике «Кофе с Бахом, чай с Шопеном» [6]. Впрочем, еще с 1990-х гг. имя выпускницы МГУ Э. Малити-Франевой было известно литературоведам², в том числе благодаря ее исследованиям творчества Н. Н. Садур, Г. И. Газданова, М. А. Булгакова, Зоры Есенской, а также ее переводам современной русской драмы [9]. Еще ранее — как переводчицы на словацкий язык нартического эпоса [15], поэзии К. Л. Хетагурова [20], романов Лидии Чарской [21; 22].

В 1997 г. в Братиславе вышел в свет сборник «Русская символистская драма» [24] с переведенными Э. Малити-Франевой на словацкий пьесами «Дар мудрых пчел» Ф. К. Сологуба, «Прометей» Вяч. И. Иванова, «Балаганчик», «Незнакомка», «Песня судьбы», «Роза и крест» А. А. Блока. Влияние эстетики и миропонимания символизма на ее драматургию — особенно в «Коршаке Бессмертном», «Деве в пещере» (*Jaskynná panňa*, 2003), «Игре неведомого» (*Identita / hra nevedomia*, 2014), — столь явно, что ее можно связать с поднявшейся на рубеже XX–XXI вв. волной европейского неосимволизма.

Одна из признанных творческих вершин Э. Малити-Франевой — перевод романа Андрея Белого «Петербург» (издания NEVI 2001 и Petrus 2003 гг. [18 и 19]). Выход в свет монографии «Андрей Белый. Цельность (в) множественности», с одной стороны, логичное развитие ее беловедческих исследований, начатых публикацией в 1996 г. главы «Модернистский роман “Петербург” Андрея Белого и его постмодернистский резонанс (в словацкой литературе)» в книге «Символизм как принцип видения. Главы из истории русской литературы и культуры XX века» [17], а с другой — дает возможность заглянуть в тайну «алхимии переводческого слова», творческую лабораторию ученого, виртуозной переводчицы и драматурга.

Уже беглый просмотр монографии об Андрее Белом вызывает интерес: в списке научной литературы выходные данные 175 книг и статей на русском, словацком, чешском, английском, немецком и венгерском языках (С. 202–212)³, а в указателе имен — более 300 позиций.

В главах «Вместо предисловия» и «Образ “Нового человека” в художественных произведениях русского модернизма» исследовательница предлагает читателям развернутый экскурс в историю изучения феномена европейского символизма и теории символа в XX в., а также традицию беловедческих исследований в чешском и словацком литературоведении (от З. Матхаузера, В. Глошки, фундаментальных научных сборников «Русский модернизм» (*Ruská moderna*, 1992–1993) под редакцией А. Червеняка до работ Д. Кшищовой, Л. А. Сугай, Я. Ворела⁴ и др.).

Следующие главы: «К вопросу об особенностях поэтического сборника «“Звезда” А. Белого», «Поэма поэта о звуке — “Глоссолалия”», «Пространство и время стихотворения», «Пространство и время поэтического перевода / Андрей Белый: *Кентавр*», — появившись они в русском переводе, вызвали бы, наверное, особый интерес у отечественных литературоведов.

¹ Другие издания пьес Э. Малити-Франевой в переводе на русский язык см.: [5; 7].

² См. оценки ее творчества: [11, с. 75, 77].

³ Здесь и далее ссылки на монографию Э. Малити-Франевой — только с указанием страниц.

⁴ См.: [13]. Из новейших исследований см.: [2].

Известный афоризм В. А. Жуковского: «Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах — соперник»⁵, — в случае перевода орнаментальной прозы, «плетения словес» XX в. требует уточнения. Э. Малити-Франева отмечает трудности сохранения при переводе стихопрозы Белого ритма, размера, аллитераций, тесно связанных с авторским звукосимволизмом и идеями современной ему мистики и философии звука — «от мелоса к логосу» (А. Ф. Лосев, Вяч. Иванов, Хазрат Инайят Хан и др.). Осознавая, что многие стихотворения поэта-символиста теургичны и, по сути, являются «текстами-заклинаниями» (*text-zaklinadlo*; С. 39), переводчица, по ее собственному признанию, стремилась сохранить полисемантизм фраз, глубинные смыслы которых связаны с антропософией и с популярными на рубеже XIX–XX вв. оккультными и эзотерическими учениями. Вместе с тем тексты А. Белого полны ясными его современникам историческими аллюзиями (в преддверии катастрофы Первой мировой войны) и отсылками к более широкому общекультурному и межлитературному контекстам (С. 55) — к многовековому диалогу стихий России и Германии, Запада и Востока, Ветхого и Нового Заветов, каббалистических трактатов, «Авроры» Якоба Беме и т. д.

Сложности переводческой работы усиливает тот факт, что при единых корнях в общеславянской языковой общности, кирилло-мефодиевском наследии в литературных языках и позднейших многовековых контактах, — просодия в русском и словацком языках и соответственно ритмика народного стиха, в том числе в заговорах и необрядовой поэзии, принципиально различны. Так, особенности словацкого языка с фиксированным ударением на первом слоге, дифтонгами, слогаобразующими сонорными *Ř* и *Ľ* и различием долгих и кратких гласных «придали» словацкому фольклорному стиху и даже поэзии романтиков-штуровцев силлабический характер и ввели ограничения в силлаботонике (например, в ямбе, анапесте и амфибрахии). Напротив, преимущественно тоника русской фольклорной поэтической традиции опирается на разноместные, «плавающие» ударения и редукцию безударных гласных.

В этой точке столкновения двух родственных стихий: в диалоге русского и словацкого языков на фоне священных писаний, санскрита, древнееврейского и немецкого языков мистических трактатов, а также попыток А. Белого найти в живых языках следы «праязыков»⁶ — возникли, наверное, самые интересные для переводоведов, славистов и культурологов явления. В ряде случаев словацкая «почва» дала Э. Малити возможность найти чрезвычайно удачные варианты перевода текстов А. Белого: *Šaša čias* (С. 45 прим. 19⁷; «Кубок времен», со сгустком аллитераций и графическим обыгрыванием графем *Š–S–Š* и *A*); «И яркая заяснилась слеза — *A žiarivá zaleskla sa slza*» (С. 48; *A–S–L–Z*)⁸ и т. д. Скрещение латинской графики и кириллицы в имени *Asia* (С. 42; Аси — А. А. Тургеневой, первой жены Андрея Белого⁹) для русско- и словакоязычных читателей создает ощущение «мерцающей фантастики», эффект внезап-

⁵ «О басне и баснях Крылова», 1809.

⁶ «Замысел автора состоял в том, чтобы через эвритмию выявить происхождение языков, раскрыть “пра-корни”, связанные с корнем прото-(со)знания [Autorovým zámerom bolo dopátrať sa cez eurýtmiu pôvodu jazykov, odкрыť pra-korene spojené s koreňom pra-vedomia]» (С. 56). Отметим, что в 1910 г. Бал Гангадхар Тилак, автор книги «Арктическая родина в Ведах» (1903) и один из лидеров движения свадеши, был близко знаком с Анни Безант.

⁷ В другом месте «Кубок времен» дается другой вариант перевода: *Pohár čias* (С. 48 и далее), лишенный этих достоинств.

⁸ Переводчице удалось сохранить и вероятную анаграмму А. Белого, содержащую отсылку к книге «Зогар» («Зоар»): «Сияние» — **выяснилась**, — и *Zohar* (*Kníha lesku / slnečného lesku*) — **zaleskla sa**.

⁹ Словацкий язык допускает и другое написание: *Asja Turgeňevová*. Поэтому раскрытие в обычном имени Ася — отсылки к слову *Азия / Ázia* и стоящих за ним устойчивых европейских ассоциаций через латинское написание *Asia* — явная творческая удача переводчицы.

ного проявления надмирных тайн в «складках бытия», эпифании (epiphanies, moments of vision, mystical insights) в судьбе писателя в годы его странствий по Востоку, как и дальнейший рассказ исследовательницы о тайноведческих размышлениях А. Белого о символике имени другого его спутника, поэта Кристиана Моргенштерна (С. 43–44) в сборнике «Звезда».

Студентам словакистам и богемистам будет полезно прочитать краткий очерк истории переводов произведений А. Белого на словацкий и чешский языки (С. 75–77) и насладиться высокопрофессиональным комментарием к переводам Я. Квапила, Юр. Андричика и Яр. Кабичека стихотворения «Кентавр» (С. 80–90).

Э. Малити-Франева вводит в научный и культурный обиход Словакии не только новые тексты и факты, но и ранее неизвестные здесь оценки, мнения, суждения российских ученых, публицистов и философов, погружает читателя в «петербургский миф» русской литературы. Все это требует от нее нахождения редких слов, расширения значений привычных слов, в том числе усвоенных словацким языком чехизмов, а подчас и создание неологизмов. Системный анализ своеобразия переводов на словацкий неологии А. Белого, несомненно, заслуживает отдельных масштабных компаративистских трудов и в рамки монографии «Цельность (в) множественности» не входит именно в силу «множественности» неологизмов (Лили Хиндли в книге «Die Neologismen Andrej Belyjs» 1966 г. указала 2338 таких слов, а беловеды Лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ — уже более 4000). В целом, такое создание прочных «лексических мостов» между русской и словацкой культурами, освоение словацким языком новых пространств в русской культуре Серебряного века — особая грань творчества Э. Малити-Франевой и как переводчика, и как писателя и драматурга.

В классической компаративистской традиции написаны главы «Сектантство в эсхатологических видениях света у Андрея Белого и С. Гурбан-Ваянского» (на материале романов «Серебряный голубь»¹⁰ и «Корень и побеги») и «Роман “Петербург” Андрея Белого и выявление его резонанса в словацкой постмодернистской прозе» (на материале повести П. Виликовского «Конь на лестнице, слепой во Врablyах», 1989). Первая из них будет особенно интересна русским читателям анализом применимости выработанных словацкой литературоведческой традицией терминов «идеальный реализм» (Оскар Чепан) и «консервативный модернизм» (Ян Штевичик) к «символическому реализму» А. Белого и Вяч. Иванова и «мини-статьями» — о словаках-толстовцах Душане Маковицком и Альберте Шкарване (С. 99, прим. 13) и о практически не известной в России секте «Синий крест» («общество воздержания / Братская церковь Modrý kríž»)¹¹.

«Брюссельский подтекст» текста «Петербурга» исследуется в главе «Странствие авторской мысли: От архитектоники видения к сотворению романной реальности». Исследовательница выявляет важную деталь: в период работы в столице Бельгии творческие импульсы романисту приходили не только от готических химер собора св. Гудулы и архангела Михаила, прогулок по Warandepark (на месте старого дворцового парка, ставшего прообразом петербургского Летнего сада; С. 142–148), чествований М. Метер-

¹⁰ В 2018 г. Э. Малити-Франева опубликовала роман «Серебряный голубь» в переводе на словацкий: Andrej Belyj. Strieborný holub. Bratislava: Európa, 2018. 280 s.

¹¹ Эта «община возрожденных христиан» (с 1897 г.) осталась в тени других обществ с тем же названием: евангелической международной организации самопомощи алко- и наркозависимым «Синий / Голубой Крест (Blaues Kreuz)», Fédération Internationale de la Croix-Bleue, ИВС (с 1877), филантропического Общества попечения о бедных и больных детях «Синий Крест» (Россия, 1882–1918), Фонда защиты животных The Blue Cross (Великобритания, с 1897).

линка, «Пеллеаса и Мелизанды» Дебюсси и «Кольца нибелунга» Вагнера, оккультных переживаний и истолкованных в антропософском духе эпифаний, но и от Народного дома (Maison du Peuple, 1896/1899–1966), построенного в стиле ар-нуво архитектором В. Орта (Victor Horta) по заказу социалистической Бельгийской рабочей партии на средства трудовых кооперативов.

Концепция здания, которое современники называли «восьмым чудом света» и в котором Белый и А. Тургенева встречались с политиком и писателем Ж. Дестре¹² и его женой, во многом воспроизводила идеи фаланстера социалистов-утопистов XIX в. В своеобразном «архитектурном манифесте социализма — храме труда, искусств и знаний на благо трудящихся» индустриальной Бельгии соединялись практические потребности с духовными (С. 137): здесь находились магазины, театральная сцена, буфет, залы для занятий спортом, научных лекций, библиотека, пекарня, магазины одежды, большой зал торжественных собраний, партийные и профсоюзные офисы, а на открытой террасе на крыше — кофейня с видом на панораму «дымкой покрытого Брюсселя» или «ночь под звездами». Э. Малити-Франева отмечает, что брюссельский Народный дом стал лишь точкой, хотя и важной, на пути символиста-жизнетворца к общине создателей Гетеанума в Дорнахе.

Вместе с тем пример «храма социализма» многое объясняет в позднейшем отношении Белого к русской революции, в его концепции «духовного коммунизма» и желании «служить социализму в спецификуме средств» [1, с. 70] и даже в последнем замысле «производственного романа» о строительстве железной дороги через Мамисонский перевал¹³ из Европы в Азию — в Закавказье.

На волне приписываемого Гете афоризма «архитектура — застывшая музыка» разительный контраст идеалов строителей Народного дома и собора св. Гудулы активизировал в творческом сознании А. Белого ассоциации «петербургского мифа» — взгляд на архитектуру Петербурга («Петра творенье», русского *Царь-града*) как выражение вневременной воли Петра I, застывшей и живущей в камне столицы огромной евроазиатской империи и определяющей судьбы десятков миллионов людей. Отсюда и авторское определение жанра — «мозговая игра», отсылающее к жанру «романа идей», суть которого точно передает формула П. А. Флоренского: «трагедии ума, где героями выступают идеи, а сценою служит сознание» [14, с. 136], где главный предмет изображения — духовная атмосфера общества, проходящие в ней потоки *мнематических явлений* (в терминах Н. А. Рубакина, скрывавшегося в 1910-е от царской охранки в Швейцарии) и проявляющаяся через психологические и духовные процессы трансцендентальная сущность, не сводимая к единственной идее и изображаемая через столкновение, жизнь и умирание *множества* взаимосвязанных и взаимообусловленных идей. Роман, где, по словам В. Ф. Одоевского, «основным анекдотом была бы ни более, ни менее как *задача человеческой жизни*» [12, с. 191]. Такие тонкие наблюдения Э. Малити-Франевой делают эту главу монографии исключительно ценной для отечественных ученых-гуманитариев.

¹² В 1917–1918 г. социалист Ж. Дестре, посол Бельгии в России, резко отрицательно воспринял Октябрьскую революцию и сепаратный Брест-Литовский мир, изложив свои взгляды на эти события в книге «Плавильщики снегов» (*Les fondateurs de neige*, 1920 г.). Об идеях Ж. Дестре, в том числе о языке и природе нации в 1912 г. см.: [3].

¹³ В случае реализации этого грандиозного проекта железная дорога через Мамисонский перевал на уровне 2911 м стала бы третьей по высоте в мире после построенных в Швейцарии — узкоколейки Gornergratbahn (3090 м; с 1898 г.) и Jungfraubahn (3454 м; она начала работу 1 августа 1912 г. — в дни создания 4-й главы «Петербурга»).

Главы «Мир романа “Петербург” Андрея Белого» («The World of the Novel “Petersburg” by Andrei Bely»; на английском языке), «К вопросу о переводе “Петербург” на словацкий язык / Заметки переводчицы» (на русском языке) и «Вопрос творческого метода при переводе прозаических и драматических произведений русского символизма» (по-словацки) подводят итог серии авторских статей, из которой выросла монография.

Среди основных проблем, вставших при переводе русских символистов на словацкий, Э. Малити-Франева называет поиск эквивалентов, которые позволили бы передать читателю акустическое своеобразие «вербального эксперимента» А. Белого, «астрального романа» [звуковые доминанты, повторы, ритмику и музыкальность фраз, доминанты звукосимволизма¹⁴, генерал-бас полифонии риторических периодов, эхо, использование знаков пунктуации для передачи «дыхания текста», пульсирующей крови (С. 172)] и т. п., — а также необычную романную оптику: обратную перспективу¹⁵, зазеркалье, тени, пространства галлюцинаций, сновидений и т. п. Отмечаются сложности переводов фразеологизмов, риторических фигур, лексических лакун и пути их преодоления.

В случае гетерославянских языковых контактов перед переводчиками встают и проблемы как устранения случаев «ложного понимания», «псевдопонимания» фраз и коллизий [4, с. 107, 116–117], так и реализация приема «остранения» (*ozvláštňenie*) в ситуации, когда похожее, но не тождественное воспринимается как норма. Так, уровень мастерства интерпретатора проявляется уже при переводе названия романа. В чешских изданиях принято переводить — Petrohrad (классическая словарная форма, топоним). Форма «Peterburg» — при том же топониме Petrohrad и редко встречающемся архаизме Sankt Peterburg — в словацких переводах уже дает читателю ощущение необычности: это явно чуждое — немецкое название для уха словаков, привыкших славянизировать германские и австрийские ойконимы: Виедень (Вена), Мнихов (Мюнхен), Колин-над-Рыном (Кельн), Липско (Лейпциг), Драджаны (Дрезден), Вратислав (бывш. Бреслау) и т. д., а также отсылает к гоголевским «петербургским повестям» (здесь, кстати, встречаются оба варианта перевода: *Petrohradské / Peterburgské poviedky*¹⁶). Десакрализация топоса идет через использование историзма, но без полагающегося элемента «Sankt».

Умение в двух-трех словах раскрыть возможность разноплановых прочтений проявляется и в самом названии монографии словацкой исследовательницы: «Цельность (в) множественности».

Очевидно, что 224 страницы — скромный объем книги, изданной за счет грантовых проектов Vega при поддержке агентства Wallonie Bruxelles International и Института мировой литературы Словацкой академии наук, ограничивает возможность Э. Малити-Франевой рассмотреть другие аспекты заявленной темы; например, интертекстуальные и типологические связи Белого с современными ему русскими писателями и поэтами. Многие филологические и историко-литературные открытия братиславского беловеда, «пунктиром» намеченные в параграфах глав и даже в информационно емких сносках, заслуживают отдельного формата — статьи или главы нового издания.

¹⁴ Переводческая техника передачи *у, п, б, р, л* и славянских шипящих особо рассматривается на с. 172, 177.

¹⁵ В этой связи на с. 160–162 исследовательница проводит интересные параллели между архитектурой «Петербурга» Белого и «Божественной комедией» Данте.

¹⁶ Например: [25] и даже на сайте словацких ученических шпаргалок: «Peterburgské poviedky — cyklus» (<https://referaty.centrum.sk>).

Встречаются в монографии единичные опечатки: *sviaščonnye* (священные; С. 74), при транслитерации на английский язык на С. 157 русская *Й* несколько раз ошибочно передается словацкой *J* вместо принятой в англофонии *Y*: *beshenaja, razdalsja, nechelovecheskij* — и там же: *zavizzala* (влияние словацкой графики: *zavizžala*). Впрочем, эти огрехи не влияют на общее впечатление от научного труда, насыщенного фактами, оценками, опытом замечательного словацкого драматурга, ученого и переводчицы. Можно ожидать, что по примеру бельгийских коллег-просветителей и российские издатели обратят свое внимание на литературоведческие работы Э. Малити-Франевой, а ее переводческое творчество станет предметом диссертационных исследований славистов разных стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Белый А.* Речь на 1-м пленуме оргкомитета союза советских писателей // Советская литература на новом этапе: Стенограмма 1 го Пленума Оргкомитета Союза советских писателей. (29 окт. – 3 ноября 1932 г.). М.: [Б. и.], 1933. 257 с.
- 2 *Ворел Я. (Vorel Jan.)* От декадентства к теургии: (генетические связи чешской и русской литератур конца 19 начала 20 столетия) // Филологический класс. 2019. № 2 (56). С. 17–21.
- 3 *Ермакова Э. В.* «Письмо королю»: Бельгийский сепаратизм и унитаризм в сочинении Жюль Дестре // Вестник МГИМО. 2016. № 3 (48). С. 102–111.
- 4 *Коренькова Т. В.* Экзотизмы, интернационализмы и псевдо-интернационализмы в преподавании русской культуры в зарубежной аудитории // Русский язык в Центре Европы. 2012. № 15. С. 107–121.
- 5 *Малити-Франева Э.* Дева в пещере // Балтийские сезоны. 2006. № 16. С. 88–105.
- 6 *Малити-Франева Э.* Приключение // Кофе с Бахом, чай с Шопеном. Словацкие рассказы / сост. Э. Малити-Франева; пер. Н. Шульгиной. М.: Форум, 2015. С. 97–114.
- 7 *Малити-Франева Э.* Провидец и другие: пьесы / пер. со словац. Н. Шульгиной. СПб.: Балтийские сезоны, 2016. 283 с.
- 8 *Малити-Франева Э.* Скорый поезд «Шоу-бизнес» / пер. со словац. Л. Широковой // Иностранная литература. 2015. № 12. С. 61–70.
- 9 *Малити-Франева Э.* Коршак Бессмертный // Современная драматургия. М.: Современная драматургия, 2004. Вып. 2 (апрель–июнь). С. 145–159.
- 10 *Матвиенко Кр.* Призраки прошлого и опыт настоящего. «Провидец и другие». Сборник пьес Евы Малити Франевой // Русский язык в центре Европы. 2017. № 17. С. 186–188.
- 11 *Машикова А. Г.* Словацко-русские межлитературные связи. Страницы истории. М.: Инфра М, 2013. 268 с.
- 12 *Одоевский В. Ф.* Примечание к «Русским ночам» // Русские ночи. Л.: Наука, 1975. С. 188–192.
- 13 *Сугай Л. А.* Андрей Белый в Словакии: переводы, интерпретации, исследования // Миры Андрея Белого / сост. К. Ичин, М. Спивак. Белград: Филологический фак-т Белградского ун-та, 2011. С. 323–344.
- 14 *Флоренский П. А.* Космологические антиномии Иммануила Канта (1908) / публ. А. В. Гулыга, И. С. Нарский // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. 1978. № 1(3). С. 131–146.

- 15 *Maliti Fraňová E. (Malieiová, Eva). Nartský epos. Bratislava: Mladé letá, 1983. 173 s.*
- 16 *Maliti Fraňová E. Andrej Belyj // Celistvosť (v) mnohosti. Bratislava: Veda — ÚSVL SAV, 2018. 224 s.*
- 17 *Maliti Fraňová E. Symbolizmus ako princíp videnia. Bratislava, 1996. 176 s.*
- 18 *Maliti Fraňová E. Andrej Belyj: Peterburg. Bratislava: HEVI, 2001. 448 s.*
- 19 *Maliti Fraňová E. Andrej Belyj: Peterburg. Bratislava: Petrus, 2003. 531 s.*
- 20 *Maliti Fraňová E. Kosta Chetägkaty: Osetská lýra / v spolupráci s J. Majerníkom. Bratislava: Tatran, 1989. 168 s.*
- 21 *Maliti Fraňová E. Lýdia Čárska: Ruža z Kaukazu. Bratislava: Práca, 1993. 184 s.*
- 22 *Maliti Fraňová E. Lýdia Čárska: Sibirôčka. Bratislava: Práca, 1992. 176 s.*
- 23 *Maliti Fraňová E. Ruská dráma: zborník hier (so spoluprekladateľkou R. Maliti). Bratislava: Divadelný ústav, 2008. 303 s.*
- 24 *Maliti Fraňová E. Ruská symbolistická dráma (zborník hier / F. Sologub, V. Ivanov, A. Blok). Bratislava: NDC a Tália-press, 1997. 286 s.*
- 25 *Muránska N. Čertovščina a čerti v tvorbe N. V. Gogoľa a M. Bulgakova // N. V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase: (studie o živém dědictví) / ed. J. Dohnal, I. Pospíšil. Brno: Masarykova univerzita, Ústav slavistiky Filozofické fakulty, 2010. P. 263–268.*

© 2020 г. Tatiana V. Koreňkova
Moscow, Russia

**WHOLENESS (IN ⇔ OF) MULTIPLICITY:
THE ANDREI BELY STUDIES BY EVA MALITI-FRAŇOVÁ
(ON A NEW MONOGRAPH ANDREJ BELYJ /
CELISTVOSTĚ (V) MNOHOSTI. BRATISLAVA, 2018)**

Abstract: The monograph “Andrey Bely. Wholeness of (in) multiplicity”, on the one hand, is the logical continuation of the research by E. Maliti-Franova; on the other hand, the book gives an opportunity to look into the secret of the “alchemy of translation”, the creative laboratory of the scientist, virtuoso translator and playwright. E. Maliti-Franova introduces not only new texts and facts into the scientific and cultural life of Slovakia, but also previously unknown assessments, opinions, judgments of Russian scientists, publicists and philosophers, immerses the reader in the “St. Petersburg myth” of Russian literature. All this requires her to find rare words, expand the meanings of familiar words, and sometimes create neologisms. In general, the creation of strong “lexical bridges” between Russian and Slovak cultures, the development of new spaces in the Russian culture of the Silver Age by the Slovak language is a special facet of E. Maliti-Franova's work both as a translator and as a writer and playwright.

Keywords: Andrey Bely, novel Petersburg, translation studies, reception of Russian literature, Symbolism in Literature, Modernism in Slavic Literatures.

Information about author: Tatiana V. Koreňkova — PhD in Philology, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St., 10, bldg. 2, 117198 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4829-4947>. Email: tvkorenkova@mail.ru

Received: November 07, 2019

Date of publication: September 28, 2020

For citation: Koreňkova T. V. Wholeness (in ⇔ of) Multiplicity: The Andrey Bely Studies by Eva Maliti-Fraňová (On a new monograph *Andrej Belyj / Celistvost' (v) mnohosti*. Bratislava, 2018). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 57, pp. 293–302. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-57-293-302>

REFERENCES

- 1 Belyi A. Rech' na 1-m plenumе orgkomiteta soiuzа sovetskikh pisatelei [Speech at the 1st Plenum of the organizing Committee of the Union of Soviet writers]. In: *Sovetskaia literatura na novom etape: Stenogramma 1 go Plenumа Orgkomiteta Soiuzа sovetskikh pisatelei. (29 okt. – 3 noiabria 1932 g.)* [Soviet literature at a new stage: Transcript of the 1st Plenum of the organizing Committee of the Union of Soviet writers. (October 29 – November 3, 1932)]. Moscow, 1933. 257 p. (In Russian)
- 2 Vorel Ia. (Vorel Jan.) Ot dekadentstva k teurgii: (geneticheskie sviazi cheshskoi i russkoi literatur kontsa 19 nachala 20 stoletiiа) [From decadence to Theurgy: (genetic connections of Czech and Russian literature of the late 19th and early 20th century)]. *Filologicheskii klass*, 2019, no 2 (56), pp. 17–21. (In Russian)
- 3 Ermakova E. V. “Pis'mo koroliu”: Bel'giiskii separatizm i unitarizm v sochinenii Zhiulia Destre [“Letter to the king”: Belgian separatism and Unitarianism in the work of Jules Destre]. *Vestnik MGIMO*, 2016, no 3 (48), pp. 102–111. (In Russian)
- 4 Korenkova T. V. Ekzotizmy, internatsionalizmy i psevdointernatsionalizmy v prepodavanii russkoi kul'tury v zarubezhnoi auditorii [The exoticism, internationalisms and pseudo-internationalisms in the teaching of Russian culture to an international audience]. *Russkii iazyk v Tsentre Evropy*, 2012, no 15, pp. 107–121. (In Russian)
- 5 Maliti-Franova E. Deva v peshchere [The virgin in the cave]. *Baltiiskie sezony*, 2006, no 16, pp. 88–105. (In Russian)
- 6 Maliti-Franova E. Prikliuchenie [Adventure]. In: *Kofe s Bakhom, chai s Shopenom. Slovatskie rasskazy* [Coffee with Bach, tea with Chopin. Slovak stories], collected by E. Maliti-Franeva; translated by N. Shul'ginoi. Moscow, Forum Publ., 2015, pp. 97–114. (In Russian)
- 7 Maliti-Franova E. *Providets i drugie: p'esy* [The seer and others: plays], translated from the Slovak by N. Shul'gina. St. Petersburg, Baltiiskie sezony Publ., 2016. 283 p. (In Russian)
- 8 Maliti-Franova E. Skoryi poezd “Shou-biznes” [Fast train “Show business”], translated from the Slovak by L. Shirokova. *Inostrannaia literatura*, 2015, no 12, pp. 61–70. (In Russian)
- 9 Maliti-Franova Eva. Korshak Bessmertnyi [Korshak the Immortal]. *Sovremennaia dramaturgiia* [Modern drama]. Moscow, Sovremennaia dramaturgiia Publ., 2004, vol. 2 (April-July), pp. 145–159. (In Russian)
- 10 Matvienko Kr. Prizraki proshlogo i opyt nastoiashchego. “Providets i drugie”. Sbornik p'es Evy Maliti Franevoi [Ghosts of the past and the experience of the present. “The seer and others”. Playbook by Eve Maliti-Franeva]. *Russkii iazyk v tsentre Evropy*, 2017, no 17, pp. 186–188. (In Russian)
- 11 Mashkova A. G. *Slovatsko-russkie mezhliteraturnye sviazi. Stranitsy istorii* [Slovak-Russian inter-literary relations. Pages of history]. Moscow, Infra M Publ., 2013. 268 p. (In Russian)

- 12 Odоеvskii V. F. Primechanie k “Russkim nocham” [A note to the “Russian nights”]. In: *Russkie nochi* [Russian nights]. Leningrad, Nauka Publ., 1975, pp. 188–192. (In Russian)
- 13 Sugai L. A. Andrei Belyi v Slovaki: perevody, interpretatsii, issledovaniia [Andrei Bely in Slovakia: translations, interpretations, research]. In: *Miry Andreia Belogo* [Worlds of Andrei Bely], collected by K. Ichin, M. Spivak. Belgrad, Filologicheskii fakul'tet Belgradskogo universiteta Publ., 2011, pp. 323–344. (In Russian)
- 14 Florenskii P. A. Kosmologicheskie antinomii Immanuila Kanta (1908) [Cosmological antinomies of Immanuel Kant (1908)], publication by A. V. Gulyga, I. S. Narskii. *Voprosy teoreticheskogo naslediiia Immanuila Kanta*, 1978, no 1 (3), pp. 131–146. (In Russian)
- 15 Maliti Fraňová E. (Malieiová, Eva). *Nartský epos*. [Nart epic] Bratislava, Mladé letá Publ., 1983. 173 p. (In Slovak)
- 16 Maliti Fraňová E. Andrej Belyj [Andrei Bely]. *Selistvost' (v) mnohosti* [Integrity (in) multiplicity]. Bratislava, Veda — ÚSVL SAV Publ., 2018. 224 p. (In Slovak)
- 17 Maliti Fraňová E. *Symbolizmus ako princíp videnia* [Symbolism as the principle of vision]. Bratislava, 1996. 176 p. (In Slovak)
- 18 Maliti Fraňová E. *Andrej Belyj: Peterburg* [Andrei Bely: Petersburg]. Bratislava, HEVI Publ., 2001. 448 p. (In Slovak)
- 19 Maliti Fraňová E. *Andrej Belyj: Peterburg* [Andrei Bely: Petersburg]. Bratislava, Petrus Publ., 2003. 531 p. (In Slovak)
- 20 Maliti Fraňová E. *Kosta Chetägkaty: Osetská lýra* [Kosta Chetägkaty: Ossetian lyre], in cooperation with J. Majerník. Bratislava, Tatran Publ., 1989. 168 p. (In Slovak)
- 21 Maliti Fraňová E. *Lýdia Čárska: Ruža z Kaukazu* [Lydia Čárska: rose from Caucasus]. Bratislava, Práca Publ., 1993. 184 p. (In Slovak)
- 22 Maliti Fraňová E. *Lýdia Čárska: Sibirôčka* [Lýdia Čárska: Sibirôčka]. Bratislava, Práca Publ., 1992. 176 p. (In Slovak)
- 23 Maliti Fraňová E. *Ruská dráma: zborník hier (so spoluprekladateľkou R. Maliti)* [Russian drama: Collection of plays (with co-adjutant R. Maliti)]. Bratislava, Divadelný ústav Publ., 2008. 303 p. (In Slovak)
- 24 Maliti Fraňová E. *Ruská symbolistická dráma (zborník hier / F. Sologub, V. Ivanov, A. Blok)* [Russian symbolist drama (Collection of plays / F. Sologub, V. Ivanov, A. Block)]. Bratislava, NDC a Tália-press Publ., 1997. 286 p. (In Slovak)
- 25 Muránska, N. Čertovščina a čerti v tvorbe N. V. Gogoľa a M. Bulgakova [The devil and devilry in the works of N. V. Gogol' and M. Bulgakov]. *N. V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase: (studie o živém dědictví)* [N. V. Gogol: being a work in space and time: (study of living heritage)], edited by J. Dohnal, I. Pospíšil. Brno, Masarykova univerzita, Ústav slavistiky Filozofické fakulty Publ., 2010, pp. 263–268. (In Czech)